

Романтика в советской жизни и её метаморфозы

Советское общество было не просто самым романтичным во всей человеческой истории, пожалуй, оно было единственным, включавшем в себя романтику в качестве важнейшего структурного элемента. Это закономерно, потому что его строили как раз революционные романтики, мечтавшие о том, что в те годы казалось недостижимым— о справедливом обществе, о полёте к звёздам, о создании гармоничного нового человека.

Приговоренный к смерти революционер-изобретатель Кибальчич в камере смертников в последние дни своей жизни пишет не письма родным и не прошения о помиловании: он лихорадочно рисует чертежи реактивного межзвездного аппарата, о котором мечтал всю жизнь. Зная что царские крючкотворы могут сохранить чертежи для потомков в его личном деле, он торопится нанести их на бумагу. О звёздах и космических путешествиях мечтал и полу-глухой школьный учитель Циолковский, по ночам составлявший планы космических поселений и трассы межпланетных путешествий.

Великим романтиком был ближайший соратник и оппонент Ленина – Александр Богданов. Ещё в 1907-м году он написал очень популярный тогда фантастический роман «Красная Звезда» про полёт на Марс, где уже построен коммунизм. Основатель первого в мире Института Переливания Крови Александр Богданов погиб, проверяя на себе научный опыт.

Разрушенная, нищая, голодная лапотная крестьянская страна мечтала о звёздах. Только вчера научившаяся грамоте крестьянская молодёжь и дети городских работяг взахлёб читали «Аэлику» А. Толстого. Смертельно больной неизлечимой формой туберкулёза он работал почти до самого последнего дня, успев сделать невероятно много. Его личным девизом было «Вперёд – на Марс!», а предсмертное письмо товарищам и коллегам заканчивалось так: «Вперед, товарищи, и только вперед! Поднимайте ракеты все выше и выше, ближе к звёздам...»

Фридрих Цандер

В СССР впервые появилось общество, в котором быть «просто обывателем» стало неудобно, как сейчас говорят - «не круто». Образцом для подражания были не «умеющие жить» расчетливые циники, а герои, первопроходцы, ученые, исследователи. Разумеется, «советских мещан» хватало всегда, но культурную гегемонию они потеряли надолго. Обыватель подразумевался отживающим видом, а человеком будущего – крылатый мечтатель, отчаянный первопроходец, воин, дерзкий учёный, геолог, лётчик, покоритель океанов и космических пространств. Великие ожидания помогли миллионам людей пережить тяжелейшие годы после Гражданской, романтикой были наполнены первые пятилетки.

Потом была Война и мучительно трудное отстраивание разорённой страны. Казалось бы, после такого всякая страна должна бы расстаться со своей романтической юностью, повзрослеть, остепениться. Но не тут-то было! Люди, которые лишь вчера стали покупать продукты без карточек, которые всё ещё носят пальто, перешитые из старых шинелей, готовы вести бесконечные споры о будущем, которого не застанут. Советский атомный проект, выросший из суровой необходимости выживания перед лицом ядерного шантажа, породил новый каскад мечтаний: от желания «проникнуть в тайны», до картин нового мира, преобразованного чудесными источниками энергии. Вслед за идеалистами «физиками» появились их тогдашние оппоненты «лирики». Затем был Первый Полёт в Космос. И знаменитая фраза о том, что «и в Космосе нужна ветка сирени». Удивления заслуживает не только то, что страна, ещё не так давно отсталая и безграмотная, к тому же полуразрушенная во время войны, смогла первой начать освоение Космоса, но и то, как она это делала. Нет бы видеть этом очень перспективный бизнес, рассматривать Космос как выгодную инвестицию! Но массовое советское сознание было увлечено вовсе не этим: «...И на Марсе будут яблони цвести!» пели в песне тех лет. Даже В.Войнович, ставший впоследствии сальным шутком-антисоветчиком, не мог в то время удержаться и не написать: «Я верю, друзья, караваны ракет//Помчат нас вперёд от звезды до звезды.// На пыльных тропинках далёких планет//Останутся наши следы.» В Белоруссии в свекольно-льняном Дзержинском районе есть друг рядом с другом две обшарпанные деревеньки, бывшие колхозные усадьбы. Называются они Марс и Юпитер... Трудно ли догадаться, в какие годы они были построены?!

"Авиамоделисты". Алексей Пахомов. 1935

Очевидно, что романтика оказалась одной из важнейших скреп советского сознания и его же болевой точкой. Изучив эту вот отдельно взятую особенность советского мироощущения, лучше поняв анатомию советской мечты, мы узнаем больше про силу и про слабость Советского проекта. Как отмечалось не раз, в разрушении Советского Союза использовалось очень многое из того, что составляло основу его же идеологии и жизни. Так в работах С.Г. Кара-Мурзы подробно анализировалась роль марксизма в построении антисоветской идеологии. В данной статье мы постараемся рассмотреть отдельно историю романтической тяги, «генетически» присущей советскому человеку. Мы попытаемся доказать, что именно по романтической составляющей советского сознания разрушители страны нанесли ряд прицельных ударов. И одновременно ухитрились цинично использовать устремления советского человека «к высокому». Это происходило как в хрущёвские времена, так и в позднем, «предсмертном» СССР. Из народа-героя постепенно, но целенаправленно сделали бескрылый народ обывателей. Трусоватые и недалёкие кремлевские лидеры подменили истинные романтические ценности идеалами жвачного существа, «коммунизм – это гуляш на каждом столе». Постепенно пришли поколения безвольных мещан-жевунов, безучастные ко всему, что не касается их желудка, гениталий, дешёвых обезьяньих амбиций, живущих сиюминутными эмоциями и мелкой, «животной» жизнью. Это та самая порода ничтожеств, правящих ныне остатками великой страны.

20-е годы

В 1917 году, когда только свершилась Великая Октябрьская Революция в холодной и голодной Москве американский военный журналист Джон Рид брал интервью у Ленина, и тот рассказывал, как через несколько десятилетий в дома будет приходиться «электрическая газета», как поплывут корабли, движимые ядерной «силой радиоактивности». Чтобы это сделать реальностью и в 1921 году по указу Ленина был организован Радиевый институт. Пораженный романтизмом первого руководителя Советского Государства журналист так и назвал его «кремлёвским мечтателем», подразумевая, что ничего этого не будет. Буквально в тех же выражениях отзывался о Ленине и знаменитый писатель-фантаст Герберт Уэллс.

В том же 1921 году Ленин встретился с другим космическим мечтателем – с инженером Цандером. С тем самым, который был прототипом конструктора межпланетного корабля инженера Лося из «Аэлиты». Встреча произвела сильное впечатление на великого учёного. Позже он вспоминал: «В. И. Ленин спросил меня: — А вы первым полетите? Я ответил, что иначе и не мыслю, так как должен показать пример, а после меня смело полетят другие. В конце беседы Владимир Ильич крепко пожал мне руку, пожелал успеха в работе и обещал поддержку.» Уточним, что разговор этот происходил в стране, разорённой семью годами непрерывных войн. «Можно ли представить себе более дерзновенный проект в этой огромной равнинной, покрытой лесами стране, населенной неграмотными крестьянами, лишенной источников водной энергии, не имеющей технически грамотных людей, в которой почти угасли торговля и промышленность?» - это Г. Уэллс писал не о межпланетных перелётах, а о гораздо более скромных планах электрификации всего лишь двух районов...

Все антисоветчики, как либералы, так и «белые патриоты», твердят нам про культурную катастрофу, вызванную «октябрьским переворотом». Мол, пришёл хам и не дал ни вальсы Шуберта дослушать, ни французской булкой похрустеть. Давайте разберёмся, как выглядела «культурная катастрофа» на самом деле. Не будем касаться таких мелочей как обучение грамоте десятков миллионов безграмотных в

кратчайшие сроки – разговор у нас о месте романтики в культуре 20-х годов. А что это, кстати, такое – романтика? Можно определить её как стремление к трудностям, выбор «нелёгкого пути» из идеалистических соображений. Но как быть, если все пути в данное время нелегки? Очевидно, в таком случае следует обратить внимание на то, как люди переносят невзгоды, что их при этом занимает, из чего складывается культурный фон их жизни. Такое определение существует, кстати, и в словаре Ушакова: «Романтика - элемент чувства и эмоциональной оценки в чем-н. То, что создает эмоциональное, возвышающее отношение к чему-н.» Вот, например, бытовые зарисовки того времени, оставленные сыном торговли жареными семечками, замечательным поэтом Михаилом Светловым. С присущей ему иронией Светлов пишет о том, как первые комсомольцы буквально бредили стихами. Голод, тиф, постоянная опасность бандитского налёта... Но с упорством непонятным для потомков, ребята и девчонки, среди которых практически не было потомственных интеллигентов, организуют бесконечные литературные вечера и поэтические турниры. Разумеется, появились «полчища графоманов и буквально отравляли жизнь». Смешно? Да уж не смешнее чем мания организовывать «бизнес-тренинги» и полчища мерчендайзеров... Тогда же Светлов знакомится с сыном магазинного приказчика Эдуардом Багрицким. Знакомятся они, кстати, весьма типичным для той среды и той эпохи способом: один незнакомый человек в коридоре института предлагает другим незнакомым людям послушать написанные им стихи... Формат этой статьи не позволяет анализировать саму поэзию. Но многие из тех, кому сейчас больше 40 лет, свои первые представления о Гражданской войне получили, в том числе и из строк Багрицкого, включённых в школьную программу.

Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.
Боевые лошади
Уносили нас,
На широкой площади
Убивали нас.
Но в крови горячечной
Подымались мы,
Но глаза незрячие
Открывали мы.

Кто же не помнит эти строки! Так видели в те годы окружающую действительность выходцы из пошлой мелкобуржуазной среды, такие как Багрицкий. Потому, что выйти из неё было проще всего именно тогда! А вот описание окружающей повседневной жизни, оставленные другом Багрицкого, писателем Константином Паустовским. Вместе с товарищем он живёт зимой в неотапливаемой комнате, где постоянно стоит мороз. Иногда вместе выбирают на добычу дров: «Я хорошо помню наши ночные походы за дровами, Сначала мы ходили днём на разведку и выискивали дачу, где ещё не все деревянные части были разворованы. При этом Яша вёл со мной очередной запальчивый спор о подлинности пьес Шекспира или об экономических последствиях Версальского мира». (Мы советуем сравнить это с набором тем, которыми нынче потчуют нас сидящие в тепле вальяжные теле- и радиоведущие «духовно возрождённой России».) Кстати, оба были не восторженными юнцами, а людьми в возрасте около 30 лет. Дело, очевидно, в самой атмосфере 20-х, действовавшей таким образом, что «опухая от голода, мы всё же чувствовали слабый запах первого цветка за окном дворницкой и радовались этому».

На всё это можно возразить, что, мол, поэты и писатели – народ особый, блаженный. Судить по ним обо всей эпохе некорректно. В таком случае, обратимся к массовой культуре того времени. Например, тот же Паустовский работал в редакции одесской газеты «Моряк». Как следует из названия, газета была адресована не высоколобым эстетам, а морякам – «от капитанов дальнего плавания до кочегаров и гальюнщиков». На ней даже лозунг был: «Пролетарии всех морей – соединяйтесь!» И что же интересовало этот контингент читателей в те годы? Для «Моряка» переводят «стихи полузабытого французского поэта-матроса Тристана Корбьера», там же печатают старинную рукописную книгу «Библия моряка», состоящую из морских легенд... Такая, вот, была в те годы «совковая пропаганда». «Газета расходилась мгновенно. Номера «Моряка» буквально рвали из рук.»

Учёные и инженеры, романтики науки, работали для молодой Республики по велению души так, как не будут работать ни за какие деньги. В результате разорённая страна быстро отстраивалась и обновлялась. Но главные сражения были ещё впереди.

30-е годы

В самом конце 20-х началась индустриализация, которая с первых же дней стала восприниматься как гигантское поприще для людей, жаждущих романтики. Отметим важнейшую черту советского сознания: отдельная личность не должна была ни противопоставляться общему потоку жизни, ни подавляться им. А многократно усиливаться, входя в резонанс с «пульсом времени». Это очень тяжело понять нам, воспитанным на противопоставлении «личности» и «толпы». «А умный в одиночестве гуляет кругами, //Он ценит одиночество превыше всего», пелось в известной песенке 80-х. Но яркие люди 30-х не желали «гулять кругами в одиночестве»! Теперь, когда первоначальный голод утолён, становится возможным говорить о романтике как выборе более трудных жизненных целей. Тут-то мы и сталкиваемся с «культурным барьером» между привычным для нас миром, и молодой Республикой Советов. В наше время «романтика» носит преимущественно эскапистский характер, т.е. является попытками бегства от цивилизации. А для людей 30-х она, наоборот, была борьбой за цивилизацию!

Мальчишки тех времён просто «болели» небом и авиацией. В 30-х дети Советского Союза рвались стать лётчиками или полярниками так же рьяно, как их европейские или американские сверстники мечтали о карьере адвоката или банковского клерка.

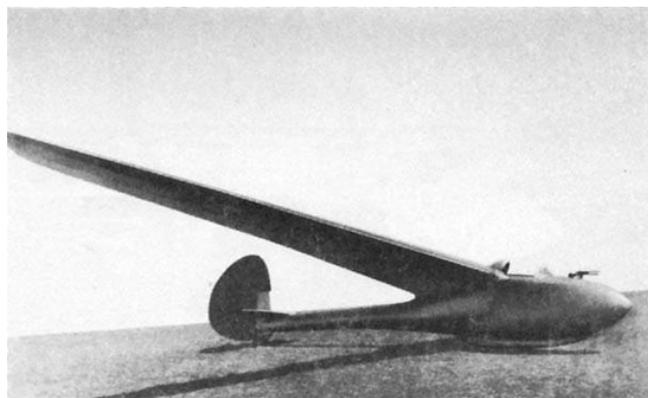
Вся страна знала лётчиков-героев, спасших других героев – «челюскинцев», перенёс их с затёртого льдами корабля на Большую землю на самолетах, они стали первыми Героями Советского Союза.

По всей стране строились парашютные вышки, они стояли в любом маленьком городе, их возводили даже в крупных сёлах. Трудно было найти городского советского мальчишку, не прыгнувшего с парашютом. Десятки тысяч советских парней и девчонок поднялись в небо на планерах, они проходят на хрупких безмоторных аппаратах из фанеры и ткани через грозовые облака прямо сквозь вспышки молний и зоны турбулентности, взлетают с весеннего льда, в мороз, ночью, в туман, проходят через ущелья кавказских гор, проводят беспосадочные полёты в десятки часов.

С.П. Королев у своего планера СК-3 "Красная Звезда", 1930 г. На этом планера В. А. Степанченко три раза подряд выполнил мертвую петлю.

Советский планерист Сухомлин совершил беспосадочный полёт длиной более 38 часов. В 1934г. планеристы Симферопольской авиашколы провели в первый в мире эксперимент по преднамеренной катастрофе планера в полете. Планер разрушился в воздухе, а пилот Анохин приземлился на парашюте, это стало мировой сенсацией.

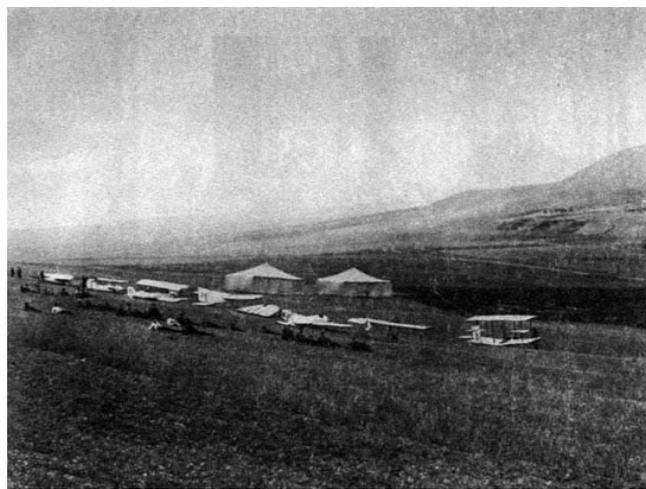

Планер «Рот Фронт – 1» Олега Антонова, над которым провели эксперимент по разрушению вибрацией в полёте (флаттером)

Фотография 24-летнего Сергея Анохина сразу после приземления на парашюте. По профессии он был водителем автобуса.

В 1939 г. советская планеристка Ольга Клепикова, стартовав на планере в Москве, приземлилась через 8 часов около Сталинграда, установив абсолютный мировой рекорд, не побитый 38 лет. Все они были любителями, а не профессиональными лётчиками. Сталинский СССР впервые в мире давал возможность всему народу творить, создавать, действовать и они становились в дальнейшем пилотами, конструкторами, инструкторами. Полётами на планерах начали свой путь к небу авиаконструкторы Ильюшин, Антонов, Яковлев, Туполев, Гуревич, конструкторы космической техники Тихонравов и Королёв и многие другие. К началу Великой Отечественной из 18 мировых рекордов 13 были советскими (более двух третей). Для сравнения – в 70-е, в тихие времена Брежнева доля мировых рекордов у советских планеристов была уже чуть более четверти, а сейчас среди мировых планерных рекордов отечественного нет ни одного. Что и говорить - вполне заметная связь между духом и ростом страны и стремлением покорять небо. Маршал авиации Покрышкин вспоминал: «Я лично начал летную жизнь на планерной станции подобно тысячам других советских юношей. Большинство лётчиков соединения, которым я командовал в дни Великой Отечественной войны, воспитывалось в аэроклубах, все они начинали с планеризма».

Первый слет советских планеристов, Крым, Коктебель, Узун-Сырт 1923

В 1932 году сын рабочего Александр Покрышкин поступает в школу авитехников, все выходные проводит в планерном кружке ОСОАВИАХИМа около Перми. В 1934 на курсах в Ленинграде вместе с такими же яростными энтузиастами строит авиетку – миниатюрный сверхлёгкий самолёт с мотоциклетным мотором. В последний момент начальник кружка вместо Покрышкина сам отправляется в первый полёт со льда Финского залива, авиетка падает, с тяжелейшими травмами он, военлётчик, оказывается в больнице. В 1935 году Покрышкин создаёт планерный кружок из рабочей молодежи консервного комбината в станице Крымской, строит планер собственной конструкции, падения, неудачи, травмы и даже гибель товарищей не останавливают неистовых романтиков неба. Про таких людей иногда говорят, что они «и саму смерть перешутят». ...После того, как мировой рекордсмен планеризма, лётчик Дмитрий Кошиц потерпел аварию на лёгком спортивном самолёте конструкции Сергея Ковалёва, но спасся, то конструктор (который ко всему прочему умел сочинять стихи) подарил пострадавшему пилоту свою фотографию с такой надписью: «У разбитого корыта // Собралась вся семья. // Личность Кошица побита, // Улыбаюсь только я».

Кто им разрешил все это вытворять при «удушающей инициативу административно-командной системе»? Да никто! Советскому человеку не нужны разрешения и лицензии, чтобы подняться в небо. Уже в начале 30-х годов в стране было более 30 планерных школ и несколько сотен кружков. Кто давал им материалы? Покупали на собранные взносы, да - именно при «тоталитарном совке», им помогали заводы – фанерой, перкалем, крепёжными деталями, помещениями. Государственные организации помогали средствами, институты и военные училища - специалистами.

Из штурмовавших небо, океан и льды отважных романтиков, выковывалось стальное поколение, выигравшее Войну, отстроившее страну и вышедшее в космос. Отважное, непокорное и романтичное, люди несгибаемой воли и горячего сердца. Только в воображении идиотов, проживающих жизнь перед ТВ, это были «рабы». Психология тех поколений составляли полную противоположность рабской, она напоминала, в чем-то, психологию римских легионеров – добровольная железная дисциплина, невиданная стойкость, мужество. Люди такого склада добровольно клали голову под топор своего ликтора, потому что он был олицетворением своего закона, который пусть может и ошибаться, но не подлежит обсуждению и в то же время выдерживали самые лютые пытки врагов. А кроме этого было чисто русское стремление к справедливости и правде. Они не боялись ни бога, ни черта, ни начальников, ни немцев, ни японцев, никого вообще.

Александр Покрышкин мог запросто сказать своему непосредственному начальнику: "Чушь не порите!" Начальник его ненавидел всеми силами души, строил пакости, вызывал комиссию за комиссией, а Покрышкин стоял на своём. Попробуйте сказать подобное своему начальнику при «демократии» и «свободном рынке». Это к вопросу, кто же раб на самом деле.

В 1937 году сослуживца тогда ещё просто никому не известного лётчика Саши Покрышкина арестовали по ложному обвинению. Хозяйка дома, где он квартировал, тут же выгнала «семью врага народа» на улицу. Покрышкин увидел её, растерявшуюся и сидящую на улице с детьми, отвёл в авиаклуб и дал ключ от актового зала – пока пожить. «Что ты, с ума сошёл?! Врагам помогаешь, самого посадят!» - зашипели «добрые советчики». «А я никого не боюсь! Смерти не боюсь, а тюрьмы тем более.» - ответил Покрышкин. Молодые авиаланеристы-комсомольцы категорично поддержали его решение. Через несколько дней «там» разобрались, лётчика выпустили с извинениями, а клеветников арестовали.

Такими их и воспитывали. Вспомните фильм про Чкалова – непокорного, неистового, великого мастера своего отважного «воздушного хулигана», не вылезавшего с гауптвахт, бесстрашно спорящего с начальством, кумира советских мальчишек и образца для подражания молодых лётчиков. В фильме есть вырезанные в хрущёвские времена слова «Не разрешат лететь – до ЦК дойдём, до самого Сталина!»

Раб это тот, для кого сохранить жизнь важнее всего, кто готов сохранить её ценой подлости, унижения, предательства. Тот, кто не боится смерти и готов отстаивать свою точку позицию любой ценой – это элита.

Романтики железного поколения жили так же, как говорили, писали и чувствовали.

Пьем за яростных, за непокорных,
За презревших грошевой уют...

Автор этих стихов, Павел Коган, мечтавший о Республике Земшарии «от Японии до Англии», жил так же цельно и сильно, как и писал. С детства имевший слабое здоровье, большой астмой, он изо всех сил боролся с болезнью как с врагом – занимался спортом, воспитывал и закалял себя, приучая к суровым условиям, пешком исходил всю центральную Россию и победил недуг. Непризывной, с началом Войны он сумел убедить врачей, что выздоровел и был взят на фронт, но только переводчиком – у еврейского юноши идиш, похожий на немецкий, был родным языком. На фронте он яростно добивался своего: оказаться на передовой. И вскоре стал командиром разведгруппы в одном из самых страшных мест Великой Отечественной – под Новороссийском. Смерть он встретил так же, как жил: когда его разведгруппа попала в засаду за линией фронта, он погиб, прикрывая её отход. Стихи писал для себя, при жизни не публиковался, стал известен только после смерти, когда близкие люди отнесли в редакцию его стихи. Видение мира с юношеской страстью, непримиримостью ко всякому злу и несправедливости, железная воля и несгибаемость - это и есть поэтика Павла Когана:

Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал!

Такими были те, кого либеральные идиоты называют сегодня «сталинскими рабами».

Если заговорили о поэзии 30-х годов, то бросается в глаза примечательная деталь – Гражданская война была

для тогдашнего поколения молодых поэтов источником романтических переживаний и сожаления, что «поздно родились»: таким видением Гражданской пронизаны стихи и Михаила Кульчицкого, и Джека Алтаузена. (Столь милый либералам взгляд, замечаящий в событиях 1918-1922 лишь насилие и жестокость, в то время действительно не имел хождения – дело тут не в пропаганде. Не могла бы никакая пропаганда заставить миллионы людей забыть события, происходившие перед их глазами. Поэтому, например, смехотворна версия, по которой «Конармия» Бабеля не стала популярна, т.к. подверглась гонениям со стороны Будённого и Ворошилова. Просто видение истории, отражённое в «Конармии» отвергалось именно «поэтическим большинством» своего времени.) Юноши поэты 30-х, «родившиеся поздно» для Гражданской, вступили во взрослую жизнь незадолго перед Великой Отечественной... Так же, как и Коган, Алтаузен и Кульчицкий остаются верны своим стихам, воюют так же страстно, как и пишут – и встречаются в начале 40-х свою смерть в боях.

Это невиданное в человеческой истории поколение появилось не само по себе, его создавала атмосфера бурлящей энергии рвущейся ввысь страны и строго рассчитанные действия ее руководства. Парашютные вышки и планерные кружки, морские школы и горные походы, пропаганда, рассказывающая о жизни героев, фильмы и книги...

Своей родной литературы, воспитывающей поколение романтиков, катастрофически не хватало - откуда ей было взяться во вчера ещё неграмотной лапотной стране, зашуганной попами и муллами?

Поэтому миллионными тиражами выходили книги Майн Рида, Вальтера Скотта, Стивенсона, Буссенара, Дюма, Сабатини, Жюль Верна и многих других писателей-романтиков, где непокорные неистовые герои воевали с несправедливостью, держали слово чести, отдавали жизнь за друзей, не минуты не раздумывая, бросались в опаснейшие приключения.

Целое поколение воспиталось на эпохальной, почти забытой теперь книге «Как закалялась сталь» Николая Островского. Совершенно недооценен вклад в воспитание людей, сделанный песнями того времени, несущими огромный эмоциональный заряд - песнями как революционными, так и советскими, 30-х годов и времён Великой Отечественной.

Потом стала появляться своя, советская романтическая литература. Мальчишки будут зачитываться приключениями сверхтехнологичной секретной подлодки «Пионер» большевика-революционера Адамова, «звездой КЭЦ» и повестью про «человека-амфибию» Беляева. Героями поколения были полярные летчики, стойкие и волевые люди книг геолога-писателя Ивана Ефремова, учёные-искатели Гранина, железнодорожники «Дороги на Океан» Леонова... Геологи, первопроходцы, моряки, северные лётчики, строители новых городов.

Таковыми и росли люди 30-х: ми неистовые, отважными, удивительно романтическими и гуманными, с душой, остававшейся молодой в любом возрасте. Поражающий нас героизм этих людей в Войне был вызван далеко не только традиционной стойкостью и мужеством нашего народа, но и романтизмом, довольно широко распространившимся в Советском Союзе. Защищая Родину, они защищали романтический образ ее счастливого будущего, который принесет счастье всему человечеству.

В буднях великих строек,
В веселом грохоте, в огнях и звонах,
Здравствуй, страна героев,
Страна мечтателей, страна ученых!

Конец 50-х и 60-е годы

Любые по-настоящему значимые изменения в общественной жизни непременно сопровождаются изменениями «культурных кодов» и, как следствие, переменами в романтическом восприятии мира. Иначе говоря, то, что раньше окружалось романтическим ореолом, должно стать приземлённым и смешным, а то, что раньше вызвало бы в лучшем случае недоумение – устанавливается в качестве новых норм романтического поведения. После гибели Сталина, как бы ни хотелось Хрущёву и К° поскорее «догнать Америку» в том числе и по социально одобряемым нормам поведения, делать это приходилось крайне медленно и осторожно. Поэтому устоявшиеся советские нормы, социальные и эстетические, продолжали до поры, до времени существовать, но к ним постоянно примешивались те или иные новшества, которые должны были восприниматься как «свежая струя». Когда в 54-м начинается освоение целинных земель, то «на Целину» едут более 1.5 млн. добровольцев. Об очевидных теперь экологических и агрономических просчётах этой кампании мы говорить не будем – важно лишь то, что подобные начинания вызывали в сталинском всё ещё по своему духу СССР отклик огромного числа самоотверженных людей. Про Целину снимали фильмы и пели песни, слово «целинник» произносили с таким же уважением, как слова «полярник» или «лётчик» в 30-е. И вот в 58-59-х появляется нечто принципиально новое. Возникают хорошо знакомые нашему поколению Студенческие Строительные Отряды. Их отличие от всех предыдущих форм молодёжных объединений очевидно: ССО – это организация оплачиваемого труда. Хотя про «яростные стройотряды» всё ещё пели песни, да и ребята ехали туда в огромном большинстве искренние, в кратчайшие сроки идея социалистического соревнования («кто больше сделал для страны») была заменена на состязательность иного рода – «кто больше заработал за лето». ССО очень скоро стали делиться на выгодные и невыгодные. Социальным двойником ССО стала бригада «шабашников». Т.е. тех, кто в свой законный отпуск ехали на стройки и зарабатывали «длинный рубль». С характерным позднесоветским лицемерием ССО в официальной риторике награждался самыми тёплыми эпитетами, в то время как шабашники были объявлены «носителями чуждой идеологии» и «явлением-с-которым-мы-боремся». Хотя различия между первыми и вторыми таяли на глазах. Результат был достигнут: то, что совсем ещё недавно было порывом, стало расчётом. Наличие в каждом ССО таких официальных должностей, как комиссар, комсорг и командир отряда, только увеличивало растущую пропасть между реальностью и «официальной говорильней». Имеющее цену, как известно, не имеет ценности. Через каких-нибудь 15-20 лет вся страна запела в длинной-предлинной студенческой песенке:

У Пегги жил один кабан,
Он от неё сбежал на БАМ.
Ох, до чего ж дурак кабан!
Спляшем, Пегги, спляшем!

Замечательно, что очень похожая история приключилась в те же годы и с другой романтической инициативой – с созданием осенью 58-го года Добровольных Народных Дружин. ДНД в момент своего рождения

действительно объединили много людей, бескорыстно желавших отчистить от мерзости свою землю. Но произошло то же, что и со стройотрядами - честный порыв потопили в мелких подачках, добавочных днях к отпуску и т.п. Впоследствии в ДНД шли уже больше за этим (да плюс за хорошей комсомольской характеристикой) нежели ради борьбы со злом. Фактически к началу 90-х у страны не было никакого опыта "низового" сопротивления преступной стихии (что, безусловно, сыграло на руку "браткам").

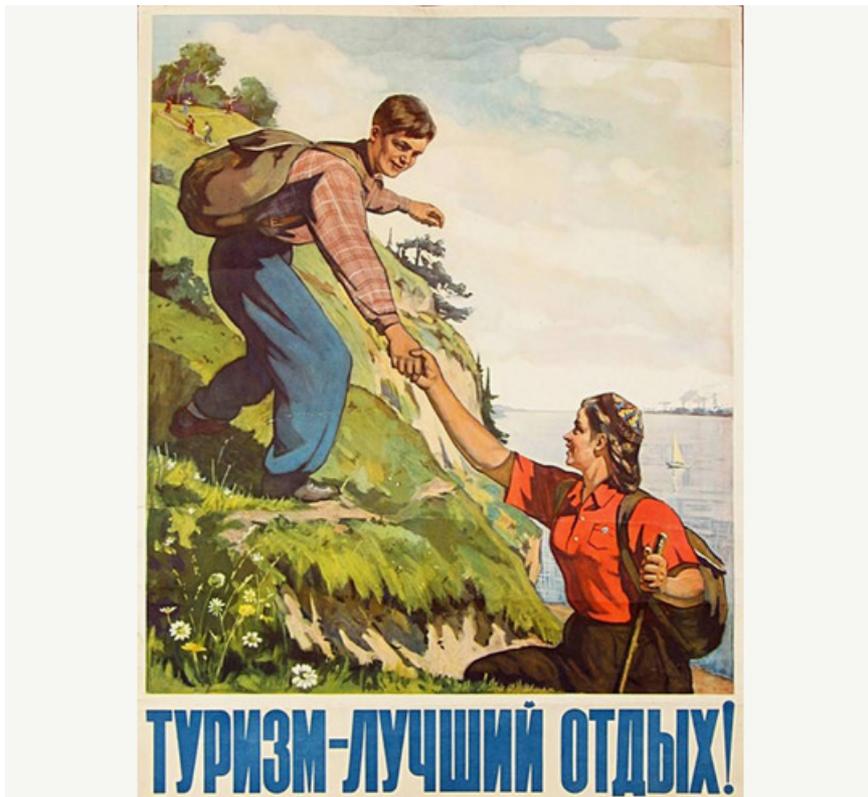
Конец 50-х – 60-е можно сравнить с инкубационным периодом в развитии болезни: временем, когда проникший в тело вирус уже совершает свою разрушительную работу, но человек пока что здоров внешне и даже полон сил. А сил, в том числе духовных, у страны был всё ещё огромный запас. Разработки новейших технологий, начатые ещё в 30-х годах, приносили свои плоды, СССР стал первой в мире космической державой. В октябре 57-го миллионы советских детей (да и не только детей) подолгу вглядывались в ночное небо, пытаясь разглядеть там светящуюся точку. И хотя видели при этом не сам спутник, а лишь вторую ступень ракеты-носителя, это никого не смущало – в Космосе видно изделие рук человеческих, а это главное! Ещё через четыре года, на вопрос о том «кем ты хочешь стать, когда вырастешь?» советские малыши стали отвечать, как один, что хотят быть космонавтами... Успешно и в небывалые сроки осуществлённый сталинским СССР ядерный проект породил целое поколение учёных, сделал профессию исследователя по-настоящему массовой в СССР. Вышедший в 1962-м году фильм М. Ромма «Девять дней одного года» замечательно показал советское романтическое восприятие науки. Оно было, пожалуй, одинаково сильным и «вне» науки, и «изнутри» неё. В результате многие научные сотрудники конца 80-х – начала 90-х, впервые начав напрямую общаться со своими западными коллегами, были ошарашены тем, что «у них» наука – это размеренный бизнес, погоня за публикациями и написание заявок на гранты. До самых последних дней СССР именно наука оставалась одной из последних ниш для романтики.

Молодёжь того времени была воспитана поколением Победителей, ощущение собственной силы и отсутствия преград было нормой для тогдашнего молодого человека. Трагедией «шестидесятников» стало то, что у них – молодых и всесильных – украли цель... Примечательно то, чему учили тогдашние советские фильмы, блестяще снятые и до сих пор любимые. Вот «культовая», как сказали бы сейчас, «Карнавальная Ночь». Рассказ о «креативных» молодых людях, которые, преодолевая сопротивление глупого бюрократа времён «культы личности», героически отстаивали-таки своё право весело встретить Новый Год и вообще «оттянуться по-полной». Другая прекрасная комедия той эпохи – «Дайте Жалобную Книгу». Фильм о том, как аналогичная группа молодых креативщиков сумела сломить отчаянное сопротивление «сталинских бюрократов» (если в первой ленте герой Ильинского – просто дурак, то во втором фильме «черты злой эпохи» прорисованы гораздо отчётливее) и собственными руками построила ... молодёжное кафе, где вечерами можно, опять-таки «оттягиваться». Ещё один отличный фильм, прекрасная роль Ф. Раневской – «Осторожно, Бабушка!» Креативная молодёжь (правда, без особой конфронтации со старшим поколением – и на том спасибо) ударно строит ... что бы вы думали? Ну, конечно же – молодёжный клуб! Где можно хорошо «оттянуться» по вечерам... Огромную творческую энергию советского человека предусмотрительно начали направлять в нужное для новых элит русло, воспитывая такого «гедониста-стахановца». «А в крылатой тройке ведь Чичиков едет!», как сказал в те же годы мудрый герой Шукшина, поражённый сделанным открытием.

Рассматриваемый период совпал с резкой скачкообразной урбанизацией СССР. Как результат, стал значительно повышаться уровень образованности и связанных с ней культурных запросов, меняться ритм жизни. Этому явлению уделил много внимания в своих работах С.Г. Кара-Мурза, описывая явление, которое он назвал «голод на образы». Нас же интересует то, как повлияли эти изменения в жизненном укладе на романтические мечты советских людей.

Ещё в 30-е годы в СССР стал массово развиваться альпинизм. Помимо очевидной прикладной пользы (исследования гор, охрана проходящих по горам границ), здесь явно прослеживалось стремление Сталина сделать доступным для советских граждан то, что раньше было признаком принадлежности к прослойке людей богатых и нестеснённых временем (с той же целью тогда во всех школах, включая сельские, детей обучали бальным танцам). Быть «горовосходителями» когда-то могли себе позволить лишь аристократы. Но уже в 34-м появился значок «Альпинист СССР», знаменитые советские альпинисты, такие как братья Абалаковы, М. Хергиани и другие «основоположники» - люди сталинской эпохи. Альпинизм развивался под эгидой профсоюзов, характерно, что даже в 80-х туристы-горники и альпинисты всё ещё называли стандартные ледорубы, кошки и другое снаряжение «ВЦСПСовским». А пик популярности этого романтического спорта приходится именно на 60-е. Фильм «Вертикаль» с молодым Высоцким в главной роли смотрела вся страна.

Помимо сурового альпинизма появляются более демократические и общедоступные самодеятельные туристические походы. Оба увлечения могли стать массовыми только в среде горожан, уставших от своего города. Особенно целительным активный горно-таёжный отдых оказался для научных сотрудников, нуждающихся в смене деятельности на время отпусков. Заядлым альпинистом был и советский лауреат Нобелевской премии, физик И.Е. Тамм. Обычной одеждой интеллигента того времени становится брезентовая штормовка, а большой «абалаковский» (по фамилии своего конструктора) рюкзак – атрибутом истинного романтика. В пригородных электричках по пятницам трудно отыскать вагон, где не ехали бы молодые ребята и девчонки с рюкзаками и гитарами, открывшие для себя ещё один способ быть счастливыми: бродить по лесам,

зачёрпывать воду из лесных речушек и озёр, петь около костра до рассвета. Кстати, следует заметить, что способ этот – сугубо советский. Те, кто так любил потом кричать про «отсутствие свободы в проклятом совке», не знали, или сознательно скрывали, что свобода выйти из электрички или из пригородного автобуса в приглянувшемся месте, углубиться в лес, поставить там палатку и разжечь костёр – это свобода, присущая исключительно СССР. Желая испытать переживания из прекрасной советской песни «На Дальней Станции Сойду» в любой «цивилизованной стране» (включая малозаселённую лесную Канаду), тут же упрётся в проволочные ограждения и в таблички «Private Property», а попытка отдохнуть не там, где указано бюрократами и богатыми собственниками – крупным штрафом или тюрьмой. Это к вопросу о свободе.

Тогда же в советский быт стали входить магнитофоны. Первые тяжёлые катушечные аппараты зачастую собирались вручную умельцами. Этой технологии предстояло сыграть большую роль в развитии общества, её вполне можно сравнить с современным интернетом или мобильниками. Стало возможным переписать и размножить полюбившуюся песню самостоятельно, не получая разрешений от идеологических чиновников. Ведомства, возглавляемые последними, постепенно начинали подгнивать от нараставшего изнутри лицемерия. Официальная идеология страны «преодолевшей последствия культа личности» уже потихоньку захлёбывалась в неискренних трескучих речах. Как следствие, государственный художественный язык стал деградировать, теряя способность создавать «политические» песни, которые захотела бы петь вся страна. Ни новую «Катюшу», ни чего-либо подобного «Трёх Танкистам» от хрущёвско-брежневского агитпропа ждать уже не приходилось. Вакуум быстро заполнялся магнитофонным «самиздатом». Ранние песни Окуджавы, Кима, Визбора или Новеллы Матвеевой вовсе нельзя назвать антисоветскими. Сколько-нибудь массовых «диссидентских» настроений в тогдашнем обществе ещё не было. Новые «бардовские» песни были мелодичны и достаточно красивы. С высоты своего сегодняшнего опыта мы знаем, что всё «внесистемное» при ближайшем рассмотрении всегда оказывается частью Системы. В бардовских песнях отразилась одна из главных черт всякого «шестидесятничества»: самоощущение человека-цветка, распутившегося на полусухих ветках после долгих лет не-цветения и любующегося своим богатым внутренним миром. Почему было так? С одной стороны, впервые за долгую историю Россия получила надёжную передышку: ни война, ни голод уже не входили в число угроз, ощущаемых каждым. В этой новой ситуации можно было позволить себе быть «интровертом». Как писал Борис Слуцкий (про XIX век, каким он видел его из своих 60-х): «Гекатомбы, Армагеддоны до и после, // Но только тогда // Индивидуального стона общая не глушила беда». С другой же стороны, система, складывавшаяся после гибели Сталина, не нуждалась в бойцах, а воспринимала их как угрозу для себя.

И ещё я скажу и бессильно, и нежно,

Две руки виновато губами ловя... - вот это было, наоборот, вполне востребовано.

В целом можно сказать, что 60-е создали принципиально новый в СССР образ романтического героя: им стал мнс или аспирант, заядлый походник, поющий под гитару. Хотя последующий ход истории не даёт оснований для особо тёплого отношения к той эпохе, правильнее будет, всё же, видеть в ней перепутье, точку бифуркации. Романтический идеал 60-х – универсальный человек, одинаково естественно чувствующий себя и в научной лаборатории, и посреди заболоченной тайги, и в кругу друзей. «Физик» и «лирик» в одном лице. Именно таким многие в то время видели строителя нового общества, строителя коммунизма (в 60-е это выражение ещё не было опоганено ни «одновременно прозревшими» шестидесятниками, ни воспитанными ими циниками «восьмидесятами»). У СССР был ещё шанс, которым страна так и не воспользовалась. В этом и заключается трагизм рассмотренной эпохи.

70-80-е годы

В 70-80-е годы неискренность новых элит стала быстро заражать всю страну. Если для людей сталинской эпохи «хочу» и «надо» обычно совпадали, то в предсмертном СССР пропасть между ними росла на глазах. Соответственно и романтика той эпохи «приватизировалась» и «разгосударствливалась». Печальный парадокс заключался в том, что именно в то время советский быт становился всё легче и всё более налаженным, советский молодой человек (особенно горожанин) с рождения чувствовал себя, «как за каменной стеной». И ... заскучал от этого. Скучающее большинство стало из своей среды быстро выделять антисоветское меньшинство, которое всё больше и больше завоёвывало «культурную гегемонию» в позднесоветском мире. Слова Сталина (над которыми, впрочем, к тому времени уже успел посмеяться всякий, кому не лень) про «усиление классовой борьбы по мере продвижения к социализму» оказались пророческими.

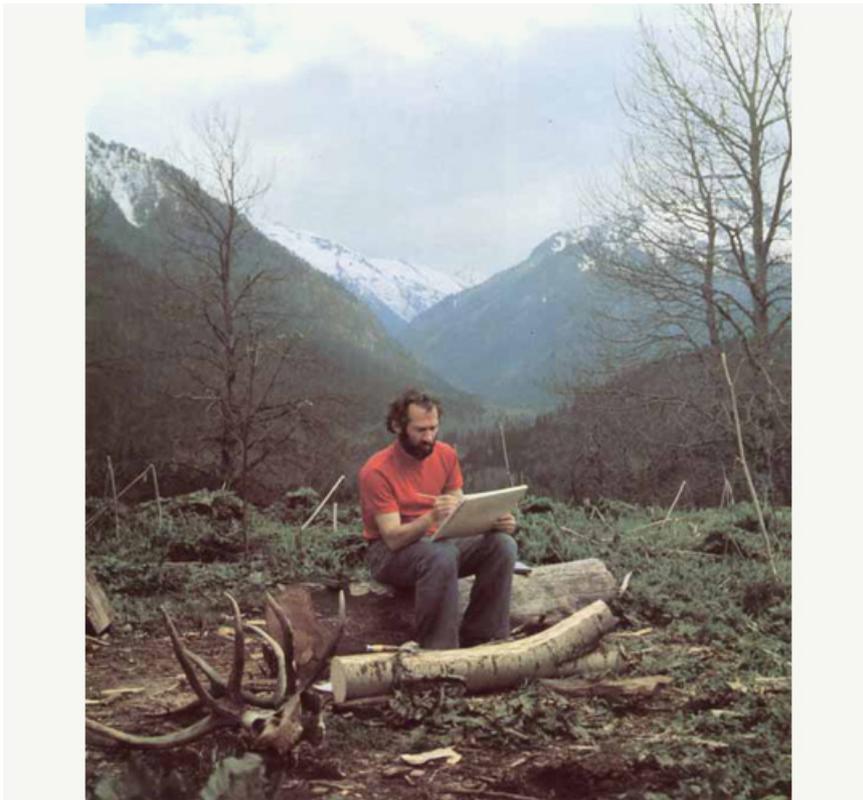
Но в те годы об этом никто не задумывался. Старшие поколения, прошедшие «огонь, воду и медные трубы», как могли, старались обеспечить своим отпрыскам безбедную жизнь.

- Мойте руки перед едой.
- Переходите улицу только на зелёный свет.
- Ваш вклад в дело строительства коммунизма – это отличная учёба.
- Дети, постройтесь в пары!
- Товарищи студенты, пока диспансеризацию не пройдёте, не будете допущены к сдаче зачётов!

Да нет, всё это хорошо и правильно, но где же можно проявить инициативу и испытать себя?!

Пионерская организация и комсомол таких возможностей уже не давали: пионерами в школе руководили тётеньки с вымученной постоянной улыбкой и нелепым пионерским галстуком на взрослой шее. Тётеньки выполняли план мероприятий, школа получала почётные грамоты. Инициатива в этих делах не приветствовалась – более того, выглядела подозрительно. В назначенное время все пионеры сдавали листочки со стандартным заявлением о том, что «хотят быть в передовых рядах», и становились комсомольцами. Дальнейшими мероприятиями заведовали комсорги школы и института. Официальное было синонимом скучного, поэтому искать романтику следовало «мимо» всего, что предлагалось начальством.

Характерна повальная мода молодых людей того времени на длинные волосы. С ней безуспешно боролись и в школе, и в институте. Длинной спутанной шевелюрой, в соответствии с веяниями времени наградили своего Волка авторы знаменитого позднесоветского мультлика «Ну, погоди!», своеобразной энциклопедии быта той эпохи. Длинные причёски парней были манифестом своего рода: «Я – свободный человек, не имею отношения ни к одной структуре, где стригут налысо - ни к армии, ни к тюрьме. Никому и ничем не обязан. Не служу, «не состою», не призывной, не приписной, а «свой собственный»».

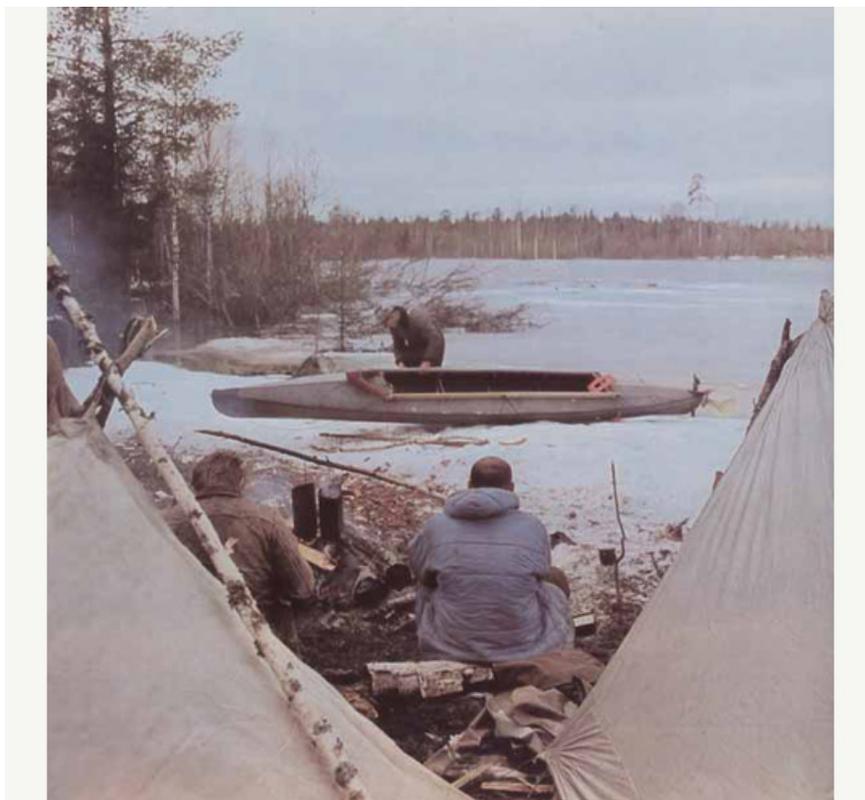

Выросшие в «заорганизованном» обществе ребята по неистребимой советской привычке продолжали искать романтику. Многие находили её в туристических походах. Главное отличие спортивного туризма 70-80-х от более ранних советских эпох – его максимальное «отделение от государства». Увлечённые люди собирались в институтский или городской клуб, организовывали Школы Туристической Подготовки, маршрутно-квалификационные комиссии разного уровня, но это всегда было «движением снизу».

От государства требовалась лишь помощь в виде помещения, средств на закупку снаряжения, выделяемых профсоюзом, и т.п. Примечательно, что среди походников практически никто не принимал всерьёз официальный проект экспедиций «Комсомольской Правды» во главе с назначенным героем Дмитрием Шпаро. Про него рассказывали, что из-за него, мол, «закрыли Арктику». По многочисленным рассказам, произошло это после того, как были опубликованы походные отчёты «обычных» туристско-лыжников, ходивших в Арктике одновременно со Шпаро. У них, как и положено, приводились температуры воздуха: -15 °С, -19 °С... Одним словом, негероические для Арктики. То ли дело у Шпаро, который ходил в том же районе в те же дни: -40 °С, -50 °С... Дабы не бросать впредь тень на Главного Советского Героя Арктики, был, дескать, наложен неофициальный запрет на хождение в Арктику для всех остальных,

который держался несколько лет. Кроме того, экспедиции Шпаро «пасли» с помощью вертолётов и всей технической мощи «советской империи», серьёзное ЧП при этом было практически исключено. В то время как простым смертным в походе приходилось рассчитывать только на себя (в чём и была прелесть походов!). Помню (М.Ш.), как в апреле 1986-го вместе со стихийно собравшейся группой мы «пурговали» (т.е. пережидали пургу) на отрогах горы Пай-Ер на Полярном Урале. У нас был с собой маленький радиоприёмник, и мы слушали захватывающий репортаж о том, как «чуть было не случилась трагедия» в группе Дмитрия Шпаро, когда у них в палатке взорвался примус. Но все спаслись «благодаря решительным действиям комсорга экспедиции», который ногой выбросил из палатки горящий примус. (Наличие штатного комсорга в составе туристской (!) группы по тогдашним временам, ассоциировалось уже не с Павкой Корчагиным, а с паинькой-Зайцем из того же «Ну, погоди!».) Всё это звучало и вправду смешно. «Значит, Шпаро не только примус перекачал, но и палатку спалил!» На следующий день нарочно включили приёмник, чтобы узнать «нашёл ли Шпаро свой примус». Оказалось, и не искал особо, т.к. немедленно получил с вертолётном новое снаряжение взамен испорченного... Сейчас трудно всерьёз относиться к туристским сплетням имевшим хождение в несуществующей более стране 25 лет назад. Важно лишь то, что всякая «романтика на приз «Комсомольской Правды» отныне была смешна. Новые нормы романтического поведения требовали не включения в Систему, а наоборот, поступков вне её, а то и вопреки ей. Настоящей героиней тогдашнее «турьё» воспринимало Валентину Шацкую – хрупкую женщину, которая регулярно ходила в Арктику в одиночные (!) походы. Но она-то, как раз, не была интересна никакой «Комсомольской Правде» того времени – в её «группе», состоявшей из неё одной, никаких комсоргов не было...

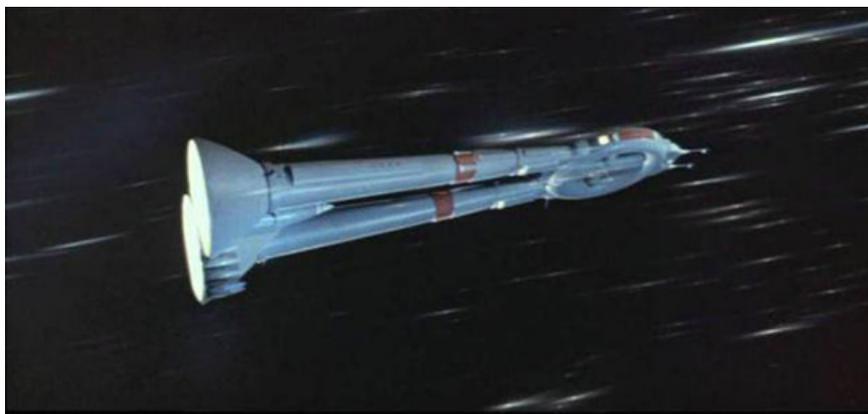
Впрочем, турпоходы были тогда для многих молодых людей не только романтическим поприщем, но и «репетицией жизни». Про это очень хорошо написал в своё время Александр Богатырёв в одном из своих комментариев: «В горы ходили не просто за романтикой. Тогда ещё действовал негласно лозунг: "Хочешь

быть героем - СТАНЬ ИМ!" И становились. Делали в горах такое, что другим и в самом кошмарном сне не приснится. Причём без запредельных рисков - на детальном и разветвлённом расчёте (просчитывались куча вариантов на все случаи), на мастерстве. Кстати же, обратите внимание: там очень многие учились не только рисковать, но и многоплановому расчёту, сводящему риск к минимуму. Это же после помогало нам в делах уже "внизу".» В самом деле, поход стал тогда для многих единственным местом, где можно было не только рисковать, но и самому принимать решения, нести ответственность за себя и за других. Окрепший к тому времени Советский строй мог всякого накормить до отвала, дать бесплатное образование и квартиру. Но этим – самым, быть может, необходимым для становления личности – он отныне уже не мог обеспечить каждого. «Советский дефицит», однако...

Теперь, спустя четверть века, на обломках СССР можно только удивляться, до чего тогдашние идеологи да социологи были равнодушны к столь массовому явлению, как самодеятельный туризм! Официальное обществоведение вяло пережёвывало марксистскую жвачку, с телеэкранов звучали здравицы в честь «славной советской молодёжи». Но никого не интересовало ни то, почему молодые (и не очень) люди стремятся реализовать себя вне официально предложенных структур, ни то, как направить их огромную энергию на что-нибудь более значимое для страны.

Романтику 70-х-80-х невозможно представить без научной фантастики и футуристических фильмов-шедевров "Москва-Кассиопея" и "Гостя из Будущего", оказавших очень сильное влияние на подростков тех лет. Мальчишки грезили космосом и Светлым Будущим, прекрасными и далёким Завтра, но это уже была, скорее, созерцательная романтика, не имеющая яростной творческой энергии деятельной романтики 20-30-х годов. Они будили энергию и желание творчества, стремление к прекрасному и романтичному, но в действительности позднего СССР такая романтика, как правило, не находила выхода, превращаясь в неудовлетворенность, скуку и ощущение, что "все не так". Ощущение прекрасного "сбывающегося завтра", событий, которые произойдут "летом будущего года" сменялось ощущением обманутых ожиданий и горьким разочарованием.

Ярким проявлением романтических порывов той эпохи было существование семьи Берберовых, про которых тогда знала вся страна. Энтузиасты взяли домой из зоопарка больного львёнка, и вырастили его в «хрущёвке». Говорить сейчас про движущие мотивы самих Берберовых трудно: подозреваем, что там была многослойная смесь из настоящей тяги к неизведанному вкупе со тщеславием людей, «проснувшихся знаменитыми» благодаря льву, с материальными выгодами и т.д. Для нас гораздо интереснее не сами Берберовы, а то, как отражалась эта история в сознании советского большинства – прежде всего, в мозгах интеллигенции. Это был уже не первый, но один из самых колоритных примеров отрыва тогдашней романтической интеллигенции от здравого смысла, и, заодно, от какой-либо морали. Ни сами Берберовы, ни их покровители из числа столичной «творческой интеллигенции» (В. Высоцкий, С. Образцов, писатель Ю. Яковлев и другие) и слушать не хотели тех, кто пытался заговорить о возможной опасности подобного эксперимента. Это приводило «властителей дум» в самое натуральное неистовство, подхватываемое толпой советской интеллигенции: «У-уу тоталитарный режим! Простых радостей человека лишает – львов в квартире держать и то помешать хочет!» Всё это приводит летом 73-го к тому, к чему и должно было привести: берберовский лев нападает на улице на человека и тяжело ранит его. Подоспевший лейтенант милиции Гуров видит следующую картину: «ярко-зелёная после дождя трава в радиусе 3-4 метров обагрена кровью, а огромный лев - как потом выяснилось, весом 240 кило - сидел на задних лапах полубоком к милиционеру, передними лапищами прижимая к земле человека, в пасти держа... его голову». (Здесь и далее цитируется по книге Ф.И. Раззакова «Бандиты 70-х») милиционер принял исключительно смелое решение: атаковать рассвирепевшего льва с расстояния «метров 13», имея лишь слабенький Макаров – это было почти самоубийством. Однако Гурову повезло – в результате точных выстрелов лев мёртв, а человек спасён. Что же происходит в следующее мгновение? «Первой к месту происшествия прибежала хозяйка зверя-убийцы Нина Берберова, потом муж её, и они начали орать на меня: "Фашистская морда! Вот она, советская действительность!" А рядом лежит парень в луже крови. На этого несчастного они и внимания не обратили. (Что же, как пел другой кумир позднесоветских романтиков, «Не стой на пути у высоких чувств!» - М.Ш. и П.К.) Истерику поддержал какой-то дистрофик - тоненьким голоском пронзительно завизжал: "Убийца!" Я в недоумении, ничего не понимаю: вроде бы спас человека?! Тем временем подходит ещё один тип, позднее выяснилось - детский писатель (видимо, Юрий Яковлев. - Ф.Р.), и начинает голосить, что "мы похороним этого льва на даче писателей".» Победа романтиков-интеллигентов над тоталитарным режимом и над здравым

смыслом была полной: взамен убитого льва Берберовым разрешают завести другого льва, да ещё и ... пуму в придачу. Результат был предсказуем (для всех, кроме «мозга и совести нации», высокоциковых и образцовых): от львиных когтей погибает 14-летний сын Берберовой, сама женщина с тяжелейшими травмами оказывается в больнице.» К слову, советский милиционер Александр Гуров – человек редкого мужества, обладал ещё и редким здравым смыслом, еще на заре «перестройки» написал знаменитую статью, ставшую пророческой о том, что власть в стране вскоре окажется в руках мафии, чем вызвал очередную либеральную истерику.

Ещё одним проявлением «внесистемного романтизма» был уход некоторых, преимущественно молодых, интеллигентов на демонстративно «неинтеллигентные» работы. Те, кто принадлежал к людям свободных профессий, которым нужен лишь лист бумаги и тишина, часто устраивались на работу лифтёрами, вахтёрами и т.д. Туда, где платят за проведенные на работе часы, нет физической нагрузки и работать можно в одиночку. Это был по-своему престижный образ жизни: байронический образ свободного художника манил куда больше, чем надёжная стезя «правильной» жизни. Многим в этой среде хотелось верить, что именно в богом забытых каптёрках, диспетчерских и лифтёрских «творится русская культура». Когда в последовавшую эпоху было объявлено, что прятаться от «тоталитарного монстра» больше не нужно в виду гибели последнего, и что каждый творческий человек отныне волен предъявить свои творения *urbi et orbe* – тут-то и выяснилось, что предъявлять «ушедшим в катакомбы» нечего, кроме батарей пустых бутылок.

Для страны, столь романтической как Советский Союз, нарастающее «расстройство романтического поведения» было и симптомом, и причиной надвигавшейся гибели.

***

В высшей степени показательно, что после уничтожения СССР романтика (как массовый и общественно одобряемый мотив поступков) начисто ушла из общественной жизни. Романтик без социализма – это или «браток», или маргинал-«нищеброд». Ничего неожиданного в этом нет: ведь романтическое поведение всегда предполагает награду отнюдь не в денежном выражении – иначе какая же это романтика! Ну а в российском (да и в любом другом) капитализме нет почтения ни к чему такому, что не конвертируется в «бабки». Впрочем, есть и другой выход: романтически себя вести в свободное от «зарабатывания тугриков» время. Ведь романтик нынче на рынке много – на всякий вкус и кошелёк! Гнусность капитализма заключается именно в том, что он всегда готов «удовлетворить платежеспособный спрос на романтику». Кто победнее, может по старинке отправиться поплавать на байдарке или полазить по горам. Только теперь это уже не романтика (риска и напряжения в жизни «среднего класса» гораздо больше, чем в походе!) – теперь это называется «чисто отдохнуть». Более состоятельные потребители романтических услуг могут заказать охотничий тур в Африку, уплатить кругленькую сумму и «потребить слона». А кто ещё богаче, как С. Полонский, может прикупить в тропиках необитаемый остров, возить туда самолётами охапки шлюх с бывшей родины, ловить барракуд в «своих» коралловых рифах, подражаться с местными моряками и попасть на экзотические бамбуковые нары. Ну, это уж всем романтикам романтик, вполне в духе времени.

Антитезой романтики, очевидно, является пошлость. В том числе, пошлость «потребляемости» и отсутствия высоких целей. Что же, среди тех, кто ненавидит капитализм, у каждого есть какая-то личная причина, находящаяся на переднем плане. Можно видеть в капитализме величайшую несправедливость, можно рассматривать его как экономический маразм, можно ужасаться его варварскому отношению к природе... Каждая из подобных причин будет самодостаточна. А можно рассматривать капитализм как величайшую в мире пошлость. Достаточное основание, чтобы романтически настроенные люди были социалистами.

Источник: [Русский проект](#)

Автор: Павел Краснов, Михаил Шатулин © Babr24.com ИСТОРИЯ, РОССИЯ 👁 22986 06.10.2013, 11:21
👍 2777

URL: <https://babr24.com/?ADE=119304> Bytes: 54325 / 52454 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

[Связаться с редакцией Бабра:](#)

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Павел Краснов,**
Михаил Шатурин.

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)